

фикацию (порождение новой номинативной единицы) и каузацию (порождение новой ядерной цепочки). Номинативные единицы, способные вступать в отношения каузации, получают у автора название *ёгены* (т. е. постоянные и временные признаки предметов), а номинативные единицы, неспособные вступать в отношения каузации — *тайгены* (т. е. названия предметов). Заметим, что автор пользуется здесь терминами, заимствованными из японской грамматики.

Исходя далее из того, что «элементы семиологической системы могут различаться только позиционно» и «любое их разграничение вне цепочек не является семиологическим», а следовательно, «характеристики, получаемые номинативными элементами в зависимости от позиции, являются диагностирующими» (указ. соч., с. 63), автор последовательно рассматривает все случаи замещения ёгенами позиции А в SAO, выделяя 12 номинативных единиц, каждая из которых получает свой порядковый номер. Выделенные единицы рассматриваются как элементарные смыслы, сочетанием которых и реализуются все остальные, более сложные номинативные единицы, необходимые для передачи, записи и хранения информации.

Не имея возможности полностью оценить и интерпретировать все достоинства рассмотренной выше непротиворечивой и достаточно универсальной (как показывает, например, ее сопоставление с набором праксеологических и кибернетических моделей в смысле Т. Котарбинского и Г. Г. Грневского)⁶ концепции В. В. Мартынова, мы хотим остановиться на одном из важнейших в ней и в теоретической лингвистике моментов — характеристике связи означающего и означаемого.

Ф. де Соссюр рассматривал связь между означающим и означаемым вне семиотического процесса и его носителей — людей. Только в этом смысле и можно понимать высказывание Соссюра о том, что у означаемого и означающего «нет в действительности никакой е с т е с т в е н н о й (подчеркнуто нами. — Т. Х.) связи»⁷, тогда как на самом деле такая связь есть, хотя она и осуществляется лишь через конкретных людей, органы чувств которых воспринимают одновременно, а сознание активно отражает одновременно и звуковые оболочки и материальные предметы, прежде чем они превращаются в означающие и означаемые. Рассматривая связь между означающим и означаемым вне семиотического процесса, Соссюр отошел от анализа отношения акустического образа к понятию в знаке; подменив его анализом связей звуковых оболочек и материальных предметов. Поскольку с позиций наблюдателя, не вовлеченного в семиотический процесс, определенный материальный предмет, скажем бык, может быть связан с бесчисленным множеством звуковых комплексов (бык, bull, boeuf и т. п.), такая связь выглядит абсолютно случайной, и представляется, что эта случайность проявляется в абсолютно свободной и немотивированной связи означающего и означаемого. В итоге — вывод об абсолютной произвольности языкового знака — вывод, ограниченность которого состоит в том, что звуковой комплекс (например, бык) и материальный предмет (бык) не являются сами по себе ни означающим, ни соответственно означаемым, а потому вопрос о связи между ними решающего значения для характеристики знака не имеет; если же звуковой комплекс и материальный предмет все же превращаются в означающее и означаемое, то этому обязательно должна предшествовать та естественная (хотя и опосредованная самим феноменом человека) связь между ними, о которой говорилось выше. И именно это опосредование является той закономерностью, которая прокладывает себе дорогу через постулируемую Соссюром абсолютную случайность.

⁶ См. Kotarbiński T. Z zagadnień ogólnej teorii walki. Warszawa, 1938; Грневский Г. Г. Кибернетика без математики. М., 1964.

⁷ См. Соссюр Ф. Указ. соч., с. 80.